

ГЛАВА 21

Мэй Цзибай сжал ладонь Гу Цина и, едва заметно понизив голос, нежно произнёс:

— Тётушка Вэй все эти годы была с тобой... Должно быть, вы немало натерпелись?

Гу Цин пребывал в туманном забытии. Сознание его блуждало где-то на грани сна и яви, но, услышав голос и упоминание о самом близком человеке, он инстинктивно повернул голову к источнику звука.

— Мама... — прошептал он.

— Вэй Шучжэнь?

— Мам...

— Цзиньянь?

—...

— Няньнянь?

— М-м... Не шуми...

Взгляд Мэй Цзибая дрогнул.

Плотные двойные шторы были задернуты так плотно, что в комнате царил ночной сумрак. Тёплый свет прикроватной лампы мягко очерчивал изысканные черты лица спящего, ложась золотистым ореолом на его бледную кожу, тронутую лихорадочным румянцем. Эта картина могла показаться двусмысленной, даже искусительной, но в глазах Мэй Цзибая отражалась лишь душа, заключённая в этом теле.

Он просто смотрел. Просто знал, что этот человек рядом. Что он... всё ещё жив.

Несмотря на совершенно иную внешность, едва уловимые тени эмоций в уголках глаз, манера речи и каждое движение выдавали в нём того самого человека, покинувшего этот мир два года назад.

Оставалось лишь... лишь получить ещё одно подтверждение.

Помолчав, Мэй Цзибай продолжил расспросы:

— Няньнянь, ты помнишь подарок на своё шестилетие? Твой самый любимый, что это было?

Гу Цин вздрогнул. Прошло немало времени, прежде чем он заговорил:

— Браслет, что подарил брат Цзибай... На нём были такие красивые рубины...

— А потом? Куда он делся?

— Браслет... В десятом классе мама заболела. Я его... продал...

В голосе Гу Цина прозвучала явственная печаль. Казалось, он не хотел возвращаться к тем горьким дням, полным отчаяния и сожаления о том, что пришлось расстаться с памятной вещью.

Мэй Цзибай крепче сжал его руку. На его лице, обычно непроницаемом и холодном, проступило ликование человека, обретшего утраченное сокровище. Долгая разлука и внезапная встреча всколыхнули в нём бушующие волны, но тепло, передавшееся через их переплетённые пальцы, странным образом умиротворило эту бурю.

Наступила тишина, полная покоя.

Лишь сегодня та часть его самого, что считалась безвозвратно потерянной, наконец вернулась домой.

Время текло незаметно. Мэй Цзибай склонился над кроватью и запечатлел на тыльной стороне ладони Гу Цина бережный, почти благоговейный поцелуй.

Тот браслет был подарком Мэй Сяотун ему самому на шестилетие — парный комплект, один с рубином, другой с сапфиром. И в день шестилетия Юй Цзиньняня он отдал ему тот, что был с рубином.

Позже именно по следу этого проданного браслета с рубинами он отыскал Юй Цзиньняня и его мать, ютившихся в трущобах окраины.

Но тогда было уже слишком поздно. Вэй Шучжэнь скончалась, оставив после себя лишь Юй Цзиньняня — третьекурсника, который потерял всё и жил лишь жаждой мести.

Мэй Цзибай долго всматривался в лицо Гу Цина, и он мягко улыбнулся. В его улыбке больше не было той привычной отстранённости, с которой он взирал на мир — теперь она светилась

подлинной нежностью. Внешность и социальное положение не имели значения. Он любил этого человека, эту сияющую душу.

Пока он рядом, никакие маски и ложные оболочки не смогут скрыть правды. Мэй Цзибай всегда будет знать, что это «он».

Гу Цин во сне попытался скинуть одеяло из-за жара, но Мэй Цзибай аккуратно подоткнул края и поправил его влажные от пота волосы.

— Спи, — тихо произнёс он. — Всё уже позади. Раньше у тебя была мама, а теперь и впредь у тебя буду я. Я больше не оставлю тебя. Цзиньнянь... нет, Гу Цин. Цинцин. Я всегда буду рядом. Ты больше не один.

Гу Цин постепенно перестал хмуриться. Он бессознательно сжал руку Мэй Цзибая, и его дыхание выровнялось.

Он долго блуждал в одиночестве среди ледяной мглы, которая вот-вот готова была его поглотить, но теперь в этой тьме зажёгся маяк, светящий лишь для него одного. Гу Цин не знал, чей это свет, но ощутил небывалое спокойствие.

Словно изнурённая птица, наконец вернувшаяся в родной лес.

Гу Цин проспал без сновидений до полудня и проснулся лишь от чувства голода.

Он открыл глаза. Тёплый свет ночника помог зрению адаптироваться к полумраку, а единственным освещённым местом в комнате было кресло у окна, где сидел Мэй Цзибай.

Гу Цин не подал голоса, молча наблюдая за ним.

Перед Мэй Цзибаем стоял ноутбук и лежала стопка бумаг. Он сосредоточенно изучал какой-то документ. С этого ракурса Гу Цин видел лишь половину его лица, скрытую в игре света и тени — черты казались нечёткими, но обладали каким-то магнетическим обаянием.

Гу Цин долго смотрел на него, а затем решил тихонько выбраться из-под одеяла, чтобы подкрасться и напугать Мэй Цзибая. Однако стоило ему только сесть на кровати, как раздался голос мужчины, заставив его замереть на месте.

Мэй Цзибай давно почувствовал на себе этот пристальный, обжигающий взгляд — не заметить его было бы трудно.

Он не выдавал себя, желая посмотреть, что предпримет «больной». Судя по всему, тот затеял какую-то проказу. Хотя Мэй Цзибай был не прочь увидеть больше милых и забавных выходов Гу Цина (и с удовольствием на руках отнёс бы его обратно в постель, когда тот дошлёпал бы по полу босиком), но, учитывая состояние парня, рисковать не стоило.

«Может, застелить всю спальню коврами?»

Он отложил документы и, глядя на застывшую спину Гу Цина, неспешно подошёл к нему.

— Проснулся? Почему не позвал? Всё ещё плохо себя чувствуешь?

Только когда Мэй Цзибай оказался совсем рядом, Гу Цин откашлялся и постарался принять невозмутимый вид:

— Всё в норме. Выспался отлично...

Договорить он не успел. Мэй Цзибай вдруг мягко убрал волосы с его лба и, склонившись, прижался своим лбом к его... От такой близости слова у Гу Цина мгновенно вылетели из головы.

Он запнулся, чувствуя, как только что прояснившийся разум снова начинает затуманиваться.

— Ты... ты что творишь?

Мэй Цзибай чуть отстранился и, потрепав его по голове, заглянул в глаза с едва заметной улыбкой:

— Проверяю, спал ли жар. Порядок. Иди прими душ, одежда уже приготовлена. Как раз успеешь к обеду.

Гу Цин озадаченно моргнул и кивнул. Он всё ещё пребывал в каком-то оцепенении, пока не зашёл в ванную и не увидел аккуратно сложенные вещи. Только тогда до него дошло.

Он сделал пару шагов назад к дверному проёму и, глядя на закрывающегося ноутбук Мэй Цзибая, громко спросил:

— Ты что, всё утро не был в компании? Не перегибаешь, господин президент Мэй? Ты ведь только что отверг моё признание, не забыл? Зачем так менять свои привычки ради какого-то там «младшего брата», к которому у тебя нет чувств?

Для такого перфекциониста, как Мэй Цзибай, нарушение привычного распорядка — остаться

дома вместо поездки в офис — было делом из ряда вон выходящим.

Увидев блеск в глазах Гу Цина, Мэй Цзибай на мгновение замолчал. Жар спал, но голос парня всё ещё был сдавленным и хриплым, а на щеках играл лёгкий румянец. Смотреть в эти глаза сейчас было... тяжёлым испытанием для самообладания.

Терпение всегда было вынужденной мерой.

Он спокойно собрал вещи и ответил:

— У больных детишек всегда есть особые привилегии.

Гу Цин поджал губы, явно недовольный таким ответом:

— Каких ещё детишек? Мне двадцать два, я взрослый человек и могу сам нести ответственность за свои поступки.

«Думаешь, отделаешься от меня этим детским прозвищем? Мечтай, я уже всё решил и не отступлю».

Глядя, как Гу Цин скрывается в ванной, Мэй Цзибай лишь обречённо усмехнулся.

Теперь, когда он получил подтверждение из первых уст, наблюдать за поведением этого парня стало куда интереснее. Тот был уверен, что отлично скрывается, хотя на деле... для Мэй Цзибая он словно разливал с огромной табличкой над головой: «Я — Юй Цзиньнянь».

Спрятаться было невозможно.

Приведя себя в порядок, Гу Цин почувствовал такой голод, что желудок буквально прилип к позвоночнику. Увидев перед собой на столе кашу, корзинку с баоцзы и лёгкие закуски, а на стороне Мэй Цзибая — изысканный западный обед, он почувствовал несправедливость.

Ему тоже хотелось чего-то более существенного, вкус во рту и так был пресным после болезни. Но... ладно.

Он принялся и с сомнением обратился к тётушке Лю:

— Тётушка Лю, при всём уважении... эта каша часом не... подгорела?

Лю Синь только открыла рот, чтобы ответить, но Мэй Цзибай перебил её:

— Температура спала, но заложенность носа и лёгкое головокружение могли остаться. Вкусовые ощущения сейчас искажены.

«Правда?» Гу Цин почувствовал, что его нагло дурачат.

Он попробовал ложку. Вкус оказался вполне сносным — приятная подсоленная каша, вот только... на стряпню тётушки Лю это совсем не походило. Он поднял взгляд на Мэй Цзибая и озадаченно склонил голову набок.

Мэй Цзибай замер с ножом и вилкой в руках. Он мельком взглянул на Лю Синь:

— Принеси другую порцию.

Лю Синь, сохранив свою неизменную добродушную улыбку, почтительно ответила:

— Была приготовлена всего одна порция, больше нет. Приятного аппетита.

Проводив тётушку Лю взглядом, Гу Цин заподозрил неладное, но голод взял своё.

— Подумаешь, лёгкий запах гари. Ничего страшного, так даже ароматнее.

Обед прошёл в тишине. Аппетит у Гу Цина оказался отменным: расправившись с кашей и целой корзинкой маленьких баоцзы, он откинулся на спинку стула с чувством глубокого удовлетворения.

— Днём загляну в офис, там есть пара дел.

Мэй Цзибай поднялся.

— Я созванивался с вице-президентом. Твоё присутствие сегодня не обязательно. Ты в последнее время слишком много работал, так что считай это внеплановым отпуском. Отдыхай.

Гу Цин немного подумал и согласился. Он лениво зевнул.

— Ладно, будь по-твоему. А ты? Уезжаешь?

— Нет. Сегодня я останусь дома, присмотрю за тобой.

—... Тоже привилегия для «детешек»?

— Нет. Это потому, что я за тебя волнуюсь.

Гу Цин невольно улыбнулся. Возможно, ему показалось, но когда Мэй Цзибай произносил эти слова, в его глазах вспыхнул такой жар, что у Гу Цина перехватило дыхание. Но в следующее мгновение это исчезло без следа.

«Наверное, это просто плод моего воображения после того, как я осознал свои чувства».

В любом случае, раз уж он заболел, а Мэй Цзибай готов провести с ним время, упускать такой шанс нельзя.

Он поспешно вскочил и последовал за ним.

— Я помню, ты говорил, что у тебя нет привычки отдыхать после обеда?

Когда-то, ещё будучи Юй Цзиньянем, он слышал это от Мэй Цзибая. Тот утверждал, что не может уснуть днём, как бы тихо и темно ни было в комнате. Тогда Юй Цзиньянь ещё подшучивал над ним, называя это типичным капризом перфекциониста.

Мэй Цзибай краем глаза заметил идущего следом Гу Цина.

— Верно. У тебя есть какое-то предложение?

— Ты ведь сам сказал, что у «больного ребёнка» есть привилегии? Ловлю на слове, не вздумай отказываться. Я выпался и в кровать не хочу. Хочу послушать, как ты играешь на пианино. Те мелодии, что ты записал для моего музыкального будильника... или что-нибудь ещё. Только давай без зауми, которую я не пойму, а то усну ещё — неловко выйдет.

Мэй Цзибай собирался в кабинет, но, выслушав длинную тираду Гу Цина, без колебаний свернул в сторону музыкальной комнаты.

— Идёт. Значит, теперь ты признаёшь себя ребёнком?

—... Только на один день.

— Тогда цени момент. И кстати — сначала прими лекарства.

Гу Цин послушно закивал. Лекарства так лекарства. Мэй Цзибай сегодня вёл себя крайне необычно: он, конечно, был рад, что тот остался дома и потакал его капризам, но всё это

казалось странным.

Пока Мэй Цзибай усаживался за рояль, Гу Цин подтащил кресло поближе. В этот момент вошла Мао Ии. Она поставила на столик лекарства и десерт, после чего придвинула его прямо к руке парня.

Гу Цин поблагодарил её. Заметив, как девушка покосилась на Мэй Цзибая, а затем с заговорщицким видом придвинулась ближе, он невольно наострил уши.

Голос Мао Ии прозвучал довольно отчётливо:

— Гу-шао, а кашу-то сегодня господин Мэй сам варил. Наш молодой господин впервые в жизни к плите подошёл!

Выпалив это, она, едва сдерживая смех, быстро и бесшумно выскользнула из комнаты, оставив их наедине.

Вспоминая, с каким видом Мэй Цзибай заявил тётушке Лю, что намерен самолично приготовить кашу, она не могла скрыть улыбки. Чтобы заставить этого человека войти на кухню, Гу-шао действительно должен был стать для него кем-то исключительным.

«Кажется, после свадьбы... Мэй Цзибай перестал быть таким холодным. Не такой уж он, оказывается, и небожитель».

В музыкальной комнате Гу Цин в упор уставился на Мэй Цзибая. Он сиял всё ярче.

— И ты не хочешь мне ничего объяснить?

Мэй Цзибай, даже не вздрогнув, спокойно ответил:

— Я же просил тётушку Лю переделать.

Гу Цин на мгновение опешил, а когда до него дошёл смысл сказанного, он не выдержал и расхохотался. Смех душил его, и он никак не мог остановиться.

«Тётушка Лю, вы просто чудо!»